

Регионализация Мирового Пространства

Каков наш Блок?

Бразилия в поисках своего места в мире

Андре Роберто Мартин

В контексте карнавала слово «блок» означает формирование не меньшее, чем школа самбы. Здесь речь идет об организации, которая культивирует свои традиции и спонтанность, имея в своей основе более важную идею, нежели стремление производить яркое впечатление на публику посредством пышных и сложных аллегорий.

Для экономистов и политологов термин «блок» означает, наоборот, свободное формирование, в котором в ущерб собственной идентичности ищут союза, с помощью которого легче достигнуть определенных целей, пусть и ценой потери некоторых традиционных ценностей. Это те случаи, когда парламентские межпартийные блоки отказываются от определенных идеологических принципов ради политической эффективности, а также уже сформировавшиеся к нашему времени блоки государств, в которых национальные государства пренебрегают прерогативами суверенности в пользу увеличения инвестиционных возможностей и создания более широкого рынка.

Таким образом, в глазах общества сформировался смысл термина «блок», противоположный его изначальному этимологическому содержанию: учитывая, что слово «блокада» имеет тот же корень, создание блока означает закрытие, а не открытие границ, как кажется на первый взгляд.

В такой ситуации, с одной стороны, очевидно, что необходимо создавать блоки государств в целях преодоления экономического кризиса, с другой — нет четких представлений, каким образом это сделать; необходимо более методично осмыслить перспективы, которые открываются для нашей страны в такой сложной сфере, как стратегический выбор во внешней политике.

Итак, мы выделили пять пунктов, которые связывают Бразилию с остальным миром, и которые мы далее подробно рассмотрим.

Международная обстановка

С момента падения Берлинской стены в конце 1989 года и войны в Персидском заливе в начале 1991, не только в узких кругах специалистов, но и за их пределами, в первую очередь благодаря средствам массовой информации, распространилось помпезное название «Новый мировой порядок». Это новое время должно было заменить предыдущий период, то есть эпоху холодной войны, и провозглашало человечеству наступление золотого будущего, в котором международное сотрудничество заменит место вооруженных конфликтов и раздоров.

Поэтому сперва подробно рассмотрим, что именно подразумевается под холодной войной, потому что только понимая произошедшее мы можем правильно оценить то, что может произойти в будущем. Не претендуя на исчерпывающее исследование, а лишь наметив область исследований, рассмотрим не менее восьми определений этого термина.

Первое из них вытекает из высказывания Гарри Трумэна в 1948 году о противостоянии Сталина и Западного Берлина, когда весь мир следил за непримиримой борьбой между демократией и тоталитаризмом. Как известно, с тех пор Соединенные Штаты поддерживали в военном и экономическом отношении диктатуры в странах третьего мира, которые были необходимы для сдерживания коммунистической экспансии. Но даже если допустим, что эти филигранные диктатуры были «авторитарными, но временными», в отличие от такого «постоянного тоталитаризма», как коммунизм, тот факт, что сегодня США имеют хорошие отношения с Пекинским режимом, делает первоначальное определение холодной войны неверным.

Еще одно определение, близкое к предыдущему, но более изысканное в интеллектуальном отношении, раскрывает холодную войну как идеологическую борьбу между капитализмом и социализмом или, с философской точки зрения, между либерализмом и марксизмом. Первые исторические прецеденты имеют место в середине XIX век. Но строго говоря, мы никогда не наблюдали этих систем в чистом виде. Даже внутри капитализма мы видим разделение, например, на во многом противоречащие друг другу либерализм и неолиберализм. Кроме того, и социалистический лагерь никогда не был монолитным, как это часто предполагается, поскольку централизованная советская модель была отвергнута в Югославии и в Китае.

Поэтому предполагается разумным не мыслить холодную войну исключительно как борьбу двух идеологий, так как она выходит далеко за рамки этого противостояния. Но как же прийти к более точному определению?

Если вспомнить собственно историю этого термина, то отметим, что впервые он прозвучал в 1947 году во время англо-американских дебатов по поводу оказания помощи Греции и Турции с целью нейтрализовать советское влияние в этом регионе. Это было в самый разгар разработки доктрины Трумэна: американский дипломат Бернард Барух использовал метафорическое выражение «холодная война», чтобы обозначить ситуацию, в которой оказались три государства-победителя Второй мировой войны, расходясь во мнениях о будущем послевоенном мире. Вскоре это выражение стало употребляться в дипломатическом языке, выражая своего рода антагонизм между силами, которые не могли открыто поддерживать мир, но нельзя было назвать эти отношения войной в классическом смысле.

В связи с этим возродился термин «вооруженный мир», который употребляют по отношению к периодам, предшествующим двум крупнейшим войнам XX столетия.

Важно добавить, что период с конца Второй мировой войны до взрыва первой советской атомной бомбы и победы Мао Цзе Дуна в Китае (оба события произошли в 1949 году), стратегическое преимущество Запада было очевидным. Великобритания, США и Канада владели монополией на ядерное оружие, на их территорию не вторгались войска Оси и Северная Америка превратилась в международных кредиторов. Таким образом, мы должны связать создание «железного занавеса», объявленного Черчиллем в знаменитой Фултонской речи 1946 года, с этим выгодным положением.

Слишком часто можно услышать мнение, что СССР сам с помощью мобилизации своих войск воздвиг стену от внешнего мира. Однако нужно учесть, что Советский Союз потерял в войне более 20 млн населения и был истощен; на самом деле это было осадой со стороны англо-американского мира. Сам же СССР никогда не называл официально эту ситуацию железным занавесом, обвиняя в этом деятелей империалистической пропаганды.

Довольно проблематичной выглядит версия концепции холодной войны, которая отождествляет ее исключительно с русско-американским противостоянием. Она не учитывает историю, упуская эпоху абсолютизма, когда шла борьба за влияние на Тихом океане, которая закончилась по-

купкой Аляски Соединенными Штатами. Это соперничество имело более геополитическую, нежели идеологическую природу, так как здесь мы видим противостояние морской и сухопутной силы, которое сохранилось и в будущем, невзирая на политические обстоятельства, смягчавшие русско-американские отношения. Кстати, не стоит забывать, что эти две силы были на одной стороне во время Второй мировой войны, не переставая скрывать свои расхождения. Так что будет недостаточно определить холодную войну как русско-американское соперничество.

Если мы связываем холодную войну с ядерной биполярностью, начавшейся в 1949 году, то мы не можем считать ее завершившейся — с тех пор ситуация только усугубилась, и на горизонте нет никаких возможностей изменения статуса-кво. Даже если мы примем во внимание рост ядерного арсенала Китая, Франции и Великобритании, а также сокращение арсенала советской России, то все равно, лишь Москва и Вашингтон обладают свойствами сверхдержавы и способны уничтожить всех остальных. Это не подлежит сомнению, даже если возникнут новые ядерные державы, такие как Германия, Япония или даже Европейское сообщество — все они не в силах отказаться от американского ядерного зонтика.

Таким образом, можно сделать вывод, что идеологически нейтральным определением биполярности является ядерное равновесие, которое наиболее полно раскрывает структуру русско-американских отношений, в отличие от их отдельно взятой враждебности, время от времени выходящей на поверхность.

Еще одно определение, связанное с «равновесием террора», трактует холодную войну как Третью мировую, которая началась сразу же по окончании Второй мировой. Все войны, имевшие место после 1945 года, в которых погибли более 15 млн человек, в таком контексте выступают лишь как «бои местного значения», и нас ждет неизбежный эпилог в виде ядерной катастрофы.

Интересно, что хотя такое определение является слишком милитаристским и несколько упрощает схему холодной войны, оно имеет множество приверженцев как среди левых, так и среди правых, то есть как среди неолiberaлов, так и среди троцкистов — обе эти стороны считали советское общество замороженным, управляемым неискоренимой бюрократией. Поэтому сюрпризом была политика гласности и перестройка под руководством Михаила Горбачева, и в связи с этим в обществе родилась

мысль, что холодная война закончилась с развалом СССР. То ли из-за того, что капитализм доказал свое превосходство над социализмом (по неолиберальной версии), то ли из-за того что в СССР никогда не было настоящего социализма (по версии троцкистов), в мире после холодной войны утвердилась одна сила военная, экономическая и идеологическая: Соединенные Штаты Америки.

Хотя остается фактом, что только США на сегодняшний момент обладают возможностью соединить в своих руках все три составляющие власти, вызывает вопрос, кто же взял на себя инициативу отделить идеологическую борьбу от геополитики и — это отнюдь не второстепенный вопрос — объявить, что холодная война окончена. Вспомните, что инициатором встречи с Рейганом в Рейкьявике в 1988 году и с Джорджем Бушем на Мальте в 1989 был именно лидер СССР Михаил Горбачев. Результатом этих встреч стало прерывание гонки вооружений и уменьшение количества боеголовок с обеих сторон. Таким образом, мы можем предполагать, что в общественное мнение некомпетентно в области понятий «гонка вооружений», «холодная война», «биполярность».

Вопреки тому, что утверждают западные СМИ, советская внешняя политика не нарушила преемственность с приходом к власти Горбачева. Мы видим в ней не радикальное изменение целей, а лишь пересмотр дипломатических методов и стиля. Если рассматривать ось внешней политики СССР начиная от Ленина, мы убедимся, что для нее всегда приоритетным оставалось сохранение мира с целью защитить собственный социализм. Брест-Литовским договором 1917 года, пактом Молотова-Риббентропа 1939 года, соглашениями на Мальте в 1989 русские продемонстрировали достаточный прагматизм, защищая свою страну и идеологию вдали от своих границ.

В этом смысле гласность является продолжением большевистской традиции, где предполагается победа ортодоксальной теории и избежание ядерной войны с наращиванием военной мощи. Стоит отметить, что термин «гонка вооружений» в современном понимании культивирован США и означает их стремление быть на пике современных технологий и военной промышленности, с тех пор как они получили психологический удар запущенном советском спутнике в 1957 году.

Поэтому кажется справедливым вопрос: почему они могут достигнуть этой цели только сейчас?

Важно, что коммунисты и социал-демократы учли политический и экономический кризис, выпавший на долю России в начале 90-х годов, и сошлись в видении ближайшего будущего мира многополярным, а не моноили биполярным. Подъем Китая, Японии и Германии сделал эти страны самостоятельными акторами на международной арене; и хотя ядерное равновесие между сверхдержавами в настоящий момент довольно устойчиво и является определяющим критерием распределения власти, давление на новых акторов в международной политике растет. Это обеспечивает небезопасное будущее, хотя риск ядерной катастрофы и снизился.

То там, то здесь еще можно встретить пережитки холодной войны, например, в деятельности НАТО, в давлении США на Кубу и Северную Корею, в демонизации сербов во время гражданской войны в Югославии и в антисоциалистической пропаганде, но представляется более разумным, что холодная война пошла на спад и перешла из военного противостояния в сугубо политическое. К этому нужно добавить исторически сложившееся русско-американское противостояние и идеологический спор между социализмом и капитализмом, замешанный на субстрате ядерного паритета.

В заключение можно сказать, что мы живем в беспокойный и сложный период, в состоянии хаоса, когда старый мировой порядок еще не до конца исчез, а новый еще не утвердился. И начался он отнюдь не с Горбачева.

Меридиональность¹

Если биполярность настаивает больше на военном, чем нежели на экономическом и политическом диалоге, то многополярность предполагает мирный период стабилизации, в который ядерный баланс не может быть нарушен. И в ее рамках существует перелом не только формальный, но и содержательный, имеющий природу разделения по полушариям: идеологическо-военная полярность Запад/Восток и экономико-политическая Север/Юг.

Однако, нужно заметить, что дуальность Восток/Запад изначально сложилась внутри Европы в форме противостояния богатых промышленных стран и аграрных. Собственно, Пруссия перестала относиться к миру востока только после разгрома Франции в 1870 году.

¹ «Меридиональный» в португальском языке означает как «широтный», так и «южный»

Смысл деления Восток/Запад изменился после Русской Революции, и противостояние демократии и автократии впервые отметил А.Грамши, а позже, на заре холодной войны, отсюда выкристаллизовалось идеологическое соперничество между капитализмом и социализмом. Что касается дуальности Север/Юг, то изначально она сложилась из экономического противостояния, которое позже приобрело политическую окраску.

Чтобы оценить достоверность последнего предложения, обратим наше внимание на пример Китая и Австралии. Если подходить к вопросу, используя уже избитые показатели дохода на душу населения, то несомненно, Китай окажется на одной линии с аграрными странами, а Австралия — в первом эшелоне среди стран северного полушария. Но если вместо этого мы будем использовать более сложный критерий «национальная власть», включающий в себя целый ряд элементов, таких как площадь, население, военный потенциал и технологические ресурсы, то Китай окажется среди держав северного полушария, а Австралия расположится среди бедных южных стран, которые вряд ли смогут стать акторами в международной политике. Вспомните политику Китая во время конфликта в Персидском заливе, когда он, будучи в Совете Безопасности ООН, выступил в один голос с другими мощными государствами, отказавшись от традиционной для себя защиты стран третьего мира.

Кроме того, следует добавить, что помимо доктринальных вопросов, у каждой северной державы есть проекты союзных блоков на ближайшее будущее. В Европе происходит строительство Европейского Экономического Сообщества, подразумевающего валютное, военное и политическое единство; в Северной Америке существует НАФТА, куда входят США, Канада и Мексика; Япония экспериментирует с партнерством азиатских тигров; более-менее успешна Россия на своем пространстве; быстро растет Китай, вдохновленный амбициозной программой «четыре модернизаций». Остальная часть планеты, вынесенная за рамки этого мегарынка, просто не знает, что делать: на ее долю выпадают лишь колебания, опасения и отсутствие собственных стратегических перспектив.

Итак, на Севере сияют пять звезд различной интенсивности, но каждая своим собственным светом, на Юге же скопилась серая масса спутников или планет, которые способны лишь отражать чужой свет, исходящий от Севера; это делает Юг зоной для маневров и установления зоны влияния держателей власти на планете. Именно эта уязвимость, не только экономи-

ческая или военная, но также политическая и дипломатическая, и характеризует нашу концепцию меридиональности.

Франция, к примеру, проводит учения своих атомных подводных лодок у берегов атолла Муруроа, а Австралия и Новая Зеландия не торопятся с жалобами. Хотя это государства с высоким уровнем жизни, они не обладают ни политической, ни дипломатической мощью, достаточной для того, чтобы Франция прекратила свои учения. И мы, вдохновленные Грамши, пытаюсь перенести анализ из внутренней политики в международную сферу, можем констатировать, что сегодня не только Италия переживает «южный вопрос».

Он воплощается в том, что сегодня планета поделена ровно пополам: одна половина населения активно участвует в строительстве нового мирового порядка, другая, беспомощная и сбита с толку, пытается двигаться в сторону нового этапа развития, ведомая пятью северными державами.

Дает повод для беспокойства тот факт, что экономика Севера растет большими темпами, чем его население; на Юге ситуация прямо противоположная (хотя есть, разумеется, исключения). Поскольку страны Север сконцентрированы на борьбе за власть между собой, у Юга есть возможность с помощью своей инициативы попытаться преодолеть отчужденность между полушариями. Давайте рассмотрим, каково положение Бразилии и как ей использовать его потенциал для данной задачи.

Положение Бразилии

Понятие меридиальности ставит акцент на геополитический смысл распределения мировой власти, добавляя в анализ международных отношений территориальное измерение, или, точнее, непосредственно географию. Поэтому оно отличается от обычной точки зрения — экономической, политической, идеологической — которая использует географию лишь в метафорическом смысле, превращая в абстракцию расстояния, территорию, экологические и демографические особенности, которые должны нам давать полную картину тех элементов, на которые подразделяется наша планета.

В классической геополитической теории, основанной Ратцелем, понятия пространства и положения являются базовыми, на них строится анализ возникновения Соединенных Штатов или точнее, отношения между ними. Главный тезис заключается в том, что каждое государство занимает уникальное положение и пространство на поверхности Земли, что определяет

его индивидуальность, а также влияет на судьбу. В то время как пространство определяется физическими свойствами, положение, в свою очередь, размещает каждое «пространство» на территории планеты, обуславливая отношения между ними. В этом смысле положение может являться фактором истории всей планеты, что делает его значение переменным со стратегической точки зрения, в условиях технологических и политических преобразований, которые связаны с распределением власти в мире.

Три основных характеристики положения Бразилии это западное, тропическое и южное. Хотя это основывается на геометрической концепции распределения континентальных плит относительно географических координат, каждая из этих характеристик создает предпосылки для исторической, культурной и политической жизни.

Западное положение является доминирующей характеристикой не только потому, что вся Южная Америка лежит к западу от Гринвича, но в первую очередь потому, что бразильское общество стремится к ценностям и образу жизни так называемых западных стран, промышленно развитых и демократических. Это предполагает не только географическую, но и культурно-идеологическую неразрывную связь с Европой и США. Самым ярким примером этой связи и влияния США стало подписание Межамериканского договора о взаимной помощи (договор о взаимной обороне) после Второй мировой войны в 1947 году в Рио-де-Жанейро.

Этот договор, довольно выгодный в рамках военного положения с 1964 года, был подорван действиями США во время Фолклендской войны, когда они поддержали агрессию Великобритании против страны на американском континенте — Аргентины.

Кроме того, западничество не учитывает наши демографические особенности; значительная часть бразильского населения — в частности, индейского и африканского происхождения — не разделяет духовные европейские ценности. И, наконец, идеология Запада стремится закрепить за Бразилией подчиненное положение на международной арене.

Вторая характеристика — тропическое положение — работает на противоположную точку зрения, антизападническую, подчеркивая роль «колониального народа» в противостоянии «колониальному государству».

Отказываясь от разбавления национальной идентичности в вихре капиталистической современности, тропикализм предлагает своего рода изоляционизм третьего мира (в этом случае термин «тропикализм» выходит

за рамки своего географического значения, если учесть, что южная значительная часть Бразилии лежит за пределами тропиков), но он не принимает во внимание тот факт, что не только элита, но и большая часть населения придерживается ценностей потребительского индивидуализма. Кроме того, необходимо добавить, что огромная доля иностранного капитала в бразильской экономике и значение внешнего рынка не позволят вести экономiku самостоятельно, как это было в 50-60-е годы, но это не значит, что в этой сфере полностью отсутствуют перспективы.

Меридиональность, представляя собой синтез двух предыдущих характеристик, является фактором, наиболее полно отражающим реалии настоящего времени, а также обеспечивает перспективы развития на международном уровне.

С одной стороны, тенденция к многополярности призывает нас быть осторожными в плане выравнивания роли регионов — вспомните, как положительно на нашей стране сказался относительный изоляционизм во время двух мировых войн — а с другой, с приходом третьей промышленной революции, мы должны расширить нашу деятельность в коммерческом и дипломатическом плане настолько, насколько это возможно.

Бразилия занимает выдающееся положение в южном полушарии не только благодаря своим размерам, но и благодаря высокому уровню технического оснащения своего производства. Хотя оно и отстает от сильнейших держав, но в отдельных секторах, таких как самолетостроение или производство стали, оно развивается самостоятельно, не получая новинок из мировых технологических центров. Это дает нам по праву выступать основным «электронно-механическим комплексом» южного полушария. А если «глобализация в сфере финансовых рынков и проникновение бизнес-структур разорвали все национальные границы в странах первого мира, исключая такие страны, как Бразилия, которые требуют слишком много инвестиций», то меридиональная альтернатива выглядит не только возможной, но и необходимой. Это справедливо и для других южных государств, таких как Индия, но в первую очередь относится к Бразилии — нас всегда будут держать за «импортеров традиционной промышленной продукции и импортеров продукции высоких технологий», не взирая на наш передовой промышленный парк среди так называемого третьего мира.

Бразильская экономика переживает дилемму: с одной стороны, она не может повысить скорость накопления за счет жесткости внутреннего рын-

ка, а с другой, не может расширить этот рынок в связи с необходимостью повысить скорость накопления, чтобы быть в состоянии оплатить импорт технологий. Эта проблема не может быть решена в условиях изоляции. Даже если предположим, что государство способно своими силами подготовить технический персонал и расширить научные исследования, то для внешнего рынка принципиальное значение имеет то, какие новые технологии и какая продукция здесь изготовлена.

Для других стран Юга должно выглядеть привлекательным сотрудничество с Бразилией как с поставщиком дешевых технологий, необходимых для их развития. Между странами Юга есть неизбежная связь, которая требует разработки новой парадигмы в области отношения этого блока с Севером. Давайте посмотрим, какой может быть эта новая парадигма.

Меридионализм

Меридионализм с идеологической точки зрения означает использование потенциала меридиональности в глобальном международном контексте. Естественно, что слабые объединяются, а сильные соперничают — поэтому, несмотря на отставание от стран Севера, у Юга есть одно важное стратегическое преимущество: среди южных стран отсутствует напряженность, препятствующая международной солидарности и сотрудничеству в их отношениях с каждым из северных блоков.

Основной принцип, на котором базируется меридионализм, — равенство между государствами, которое было закреплено на международной конференции в Гааге в 1907 году, в чем есть заслуга бразильской делегации во главе с Руи Барбозой. Актуализация этого принципа на сегодняшний день заключается в устранении юридических препятствий с целью добиться выравнивания экономических, политических и социальных возможностей государств.

Конечно, идеальное равновесие всегда останется утопией. Но не забудем, что в начале XX века международный арбитраж при урегулировании конфликтов казался маловероятным, и, несмотря на огромные препятствия, мы постепенно улучшаем систему международного права, стремясь добиться более справедливого распределения власти и богатств, что остается желаемым для большинства людей на планете.

Как только государство-нация обрело свою идеальную форму и стало основой политической организации общества, было объявлено о том, что оно исчерпало себя. Если количество людей не соответствует европейской

формуле национального государства, то возникает риск экономической и политической сегрегации, и не только на периферии, где люди еще только борются за свои государства, но и в странах первого эшелона, где растет население.

В этом отношении меридионализм приобретает универсальное, в не локальное значение: он выступает против экономической дискриминации, расовых и социальных предрассудков и противопоставления стран первого и третьего миров.

Странно, что глобализация, во имя растущей взаимозависимости, на самом деле способствует большему экономическому разрыву и делению мира по признаку богатства. Сегодня все чаще можно услышать разговоры о том, что голод в Сомали является эндемическим заболеванием, а не эпидемией, как в четвертом мире. С этой точки зрения, обратите внимание, мировая пирамида имеет тенденцию расти вниз.

Поэтому, меридионализм исходит из реалистичной точки зрения на международные отношения, считая сомнительной «существенную иностранную помощь» от стран Севера. Поэтому именно Юг должен взять на себя инициативу и сместить вектор внешней политики с экономико-военного на политико-дипломатический (что более перспективно для стран Юга) с целью уменьшить разрыв между полушариями.

Кажется, что исчерпала себя не только теория экономической природы разделения мира, но и конкретные политические инициативы, основанные на этой теории. «Неприсоединившиеся» испытывают кризис, их аудитория и влияние все меньше, что говорит о несостоятельности их политики с упором на военно-экономический сектор, что подходит странам Севера, но не Юга. То есть, это не просто случайное совпадение проблем, которые пережили «неприсоединившиеся» на последней встрече на высшем уровне в Джакарте в 1992 году, где было отвергнуто предложение Египта слиться с Группой -77 и исключить Аргентину, которая не чувствовала себя представителем этого объединения.

Опыт Европейского сообщества вдохновил робкие попытки в области интеграции нашего региона, примером тому служат Меркосур и Тихоокеанский рынок. Изолированные, они не представляют собой вариант, способный противостоять пяти северным мегаблокам, но тем не менее, любые инициативы, направленные на укрепление отношений Юг — Юг, имеют позитивные последствия. Они способствуют не только реализации теории

меридионализма, но и способствуют строительству новых международных отношений, более справедливых и сбалансированных.

Для Бразилии меридионализм является возможностью преодоления традиционной дихотомии, о которой так долго спорили наши лидеры. Преодолевая экономизм, он гарантирует альтернативу между оборонительным западничеством, которое навсегда бы закрепило за нами роль вedomой страны на международной арене, и агрессивной политикой третьего мира, которая загнала бы нашу страну в рамки изоляционизма. Мир не может быть полон без Бразилии, и Бразилия не может мыслиться в отрыве от остального мира. Таким образом, лишь меридионализм способен устранить данную дихотомию.

Задачи меридионализма

Чтобы сформулировать задачи, стоящие сегодня перед меридионализмом, сперва нужно обобщить повестку дня международных отношений, касающихся непосредственно южного полушария, и максимально приблизиться к блоку, который может создать вокруг себя Бразилия.

В отличие от обычных предложений по созданию блоков, меридионализм не предлагает интеграции государств, которая предполагает вращение вокруг одного центра, а выступает за их сочленение с целью решения конкретных задач и лучшего распределения власти. Следовательно, он не требует принятия уставов или конституционных хартий, как в случае с Движением неприсоединения, а лишь предлагает совместно более скоординированно работать, в том числе с международными организациями, в частности ООН, в целях улучшения сотрудничества между полушариями и внутри них.

Перед нами стоит множество разнообразных задач, но чрезмерная перегруженность повестки дня отрицательно скажется на сотрудничестве, поэтому необходимо урегулировать количество вопросов, принимая во внимание, что нужно действовать не только в интересах Юга, хотя из-за неоднородности взглядов разных полушарий на проблемы это будет просто.

Следуя методическим указаниям Грамши, невозможно решить конкретные задачи, стоящие перед южным полушарием. Ведь в данном случае речь идет не о двух автономных системах, как в случае с делением на Запад и Восток, но с двумя частями целого.

В этом смысле выбор тем, предложенных здесь, пытается разрешить внутренние проблемы южного полушария и дать наиболее реалистичный и менее субъективный ответ на три основных вопроса, касающихся всей планеты, но по какой-то причине Север счел справедливым наложить ответственность за их решение на нас. Эти важнейшие проблемы следующие: наркотики, внешний долг и стремительное ухудшение состояния окружающей среды.

Однако, их решение невозможно без «духовного разоружения», и меридионализм призывает совершить революцию в менталитетах. Необходимо научиться смотреть на проблемы глазами другой стороны. Возьмем, например, ситуацию с внешним долгом. Страны Севера накладывают драконовские условия оплаты, действуя посредством МВФ и не учитывая снижающийся уровень экономики стран-должников; с противоположной стороны раздаются все чаще предложения порвать отношения с МВФ в лице Группы-77.

Более реалистичная и взвешенная позиция выглядит следующим образом: вместо того, чтобы нагнетать обстановку и усугублять конфликт, нужно найти иные пути разрешения ситуации, используя политическую и дипломатическую силу, а не только экономическую и идеологическую. Было бы разумно провести пленарное заседание ООН, на котором смягчились бы условия МВФ и были бы учтены требования Группы-77, чтобы спасти и усовершенствовать международную финансовую систему, а не толкать ее в пропасть.

Также согласованно необходимо действовать и при решении других проблем, чтобы избежать экстремистских действий со стороны отдельных стран. Ведь и две другие проблемы из перечисленных представляют международный интерес, но из-за лицемерной политики, например, тема наркотиков на совещании Есо-92 в Рио-де-Жанейро была запретной.

Прийти к общему пониманию стоящих перед всем миром проблем и выработать согласованную позицию — это, пожалуй, стоит во главе задач, имеющих на повестке дня меридионализма.

Использованная литература:

Кабраль А. «Третья мировая война» Сан-Пауло, 1987

Дельмас С. «Ядерное вооружение и холодная война» Сан-Пауло, 1979

Дюпа Г и Сузиган В. «Новое сочленение мировой экономики и условия для Бразилии: промышленная стратегия и технологическая модернизация» Рио-де-Жанейро, 1991

Грамши А. «Южный вопрос» Рио-де-Жанейро, 1987

Гимараш, Клаудия «Неприсоединение: кризис идентичности» Рио-де-Жанейро, 1991

Хобсбаум Э. «Великий Грамши и борьба в заточении» Рио-де-Жанейро, 1974

Хэсберт Р. «Международные блоки», Сан-Пауло 1990

Жагуарибе Х. «Новый мировой порядок», Сан-Пауло, 1992

Лафер С. «Размышления о новом мировом порядке в условиях трансформации международной системы», Бразилиа 1982

Маньоли Д. «О холодной войне и разрядке» 1988

Мело Ж. «Новый мировой порядок и Бразилия: между фашизмом рынка и демократизацией государства» Сан-Пауло 1992

Пелегрино С.Р. «История международного порядка», Сан-Пауло, 1988

Тоста О. «Геополитические теории» Рио-де-Жанейро, 1984